

ӘЛ-ФАРАБИ

ФИЛОСОФИЯЛЫҚ-САЯСАТТАНУЛЫҚ
ЖӘНЕ РУХАНИ-ТАНЫМДЫҚ ЖУРНАЛ

ӘЛ-ФАРАБИ
ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ
И ДУХОВНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (47) 2014 ж.

МАЗМУНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

Казахстанский Философский Конгресс

Философия вчера, сегодня, завтра: понимание истинной жизни. Интервью А.А. Гусейнова.....3

Философия: от истоков до постмодерна

Майданский А.

Определить человека.....12

Фундаментальные ценности современной цивилизации

Шаталович А.

Философские измерения семьи (этический и аксиологический аспекты).....22

Наследие аль-Фараби: переводы и исследования

Молдагалиев Б.

Әл-Фараби философиясындағы ізгі құндылықтар идеясы.....31

Тюркский мир

Ошақбаева Ж.

Қазақ қоғамындағы дәстүрлі дүниетанымдық әмбебаптар.....37

Насырова М.

Истоки казахстанского патриотизма 46

Барлыбаева Г.

Казахи России как часть единого казахского народа.....56

КАЗАХСТАН: ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Касен М.

Электронное правительство и феномен новой политической коммуникации.....62

Назарбетова А.

Политические функции масс-медиа.....70

Редакцияның мекен-жайы: 050010, Алматы қ., Құрманғазы көшесі, 29,
ҚР БҒМ Ғылым комитетінің Философия, саясаттану және дінтану институты

Тел.: +7 (727) 272-59-10, 261-02-73, факс: +7 (727) 261-02-83.

E-mail: iph@iph.kz

ҚР БҒМ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
ФИЛОСОФИЯ,
САЯСАТТАНУ ЖӘНЕ
ДІНТАНУ ИНСТИТУТЫ

Мерзімді баспасөз басылмаларын және (немесе) ақпарат агенттіктерін есепке алу туралы куәлік № 13403-Ж 22.02.2013 ж.

Журнал ҚР БҒМ Білім және ғылым саласындағы бақылау комитетінің философия және саяси ғылымдары бойынша негізгі ғылыми нәтижелерін жариялайтын ғылыми басылмалар тізіміне енгізілген. (Комитет бұйрығы 05.07.2013 ж. №1033; Комитет бұйрығы 20.08.2013 ж. № 1201).

2003 ж. шығарыла бастады
Жазылу көрсеткіші – 74671

ФИЛОСОФИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА: ПОНИМАНИЕ ИСТИННОЙ ЖИЗНИ

Отзвенели и как бы ушли в прошлое солнечные осенние дни, когда на свой первый Конгресс, инициированный директором Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, член-корреспондентом НАН РК, доктором социологических наук Заремой Каукеновной Шаукеновой, собрались философы Казахстана. Чтобы сплотиться, образовать интеллектуальное братство и совместно решать, казалось бы, неразрешимые, вечные и всегда самые актуальные проблемы. Как стать и быть человеком, сохраняя свое лицо, свою культурную и гражданскую идентичность под ветрами глобализации? Как противостоять различного рода стратегиям и тактикам, нацеленным на разрушение универсальных человеческих ценностей? И что могут сказать по этому и многим другим насущным вопросам философы Казахстана?

Среди почетных гостей Конгресса было много известных мастеров философского слова, тех, кто никогда не прерывал творческих контактов с казахстанскими учеными и сегодня стремится к укреплению и расширению наших философских взаимодействий.

Высокий статус Конгрессу придало участие академика РАН, директора Института философии РАН Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова. С ним и с возглавляемым им Институтом казахстанские ученые поддерживают давние научные связи. После его доклада было задано много вопросов, разгорелась оживленная дискуссия, многострунный полилог. Эхо этой дискуссии прозвучит сегодня на страницах нашего журнала, подтверждая, что Казахстанский Философский Конгресс не завершился несколькими днями, но стал постоянно действующим объединением ученых республики.

Доктор философских наук Грета Соловьева сформулировала вопросы, которые не успели задать Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову казахстанские коллеги из-за напряженного графика работы Конгресса. И вот получены желанные ответы!

- Абдусалам Абдулкеримович, казахстанская делегация недавно вернулась из Афин, где состоялся XXIII Всемирный Философский Конгресс под симптоматичным девизом «Философия как исследование и образ жизни». Вы тоже были участником и выступали на пленарном заседании, подчеркивая великую миссию философии в современном мире. И вот, буквально через месяц – снова встречаемся на Казахстанском Философском Конгрессе. Создается впечатление, что философы пробуждаются, концентрируют свои усилия, стремясь оправдать знаменитый тезис «Философия – это эпоха в мысли».

И все же остается беспокойство. Не утратила ли философия своей лидирующей роли, не оказалась ли на «обочине» современной культуры?

- Могу согласиться, что философия сегодня в России и, похоже, также в Западной Европе находится на «обочине» культуры. Но является ли это приговором? И знаем ли мы точно, где она должна находиться, чтобы соответствовать своему назначению?

В залах Лувра среди античных скульптур больше всего изображений философов и цезарей, а самым частым является изображение человека, который был философом и императором одновременно – Марка Аврелия. История действительно из общей массы деятелей культуры выделяет и особо бережно хранит имена философов. Философы символизируют большие исторические эпохи, возможно даже, им принадлежит решающая роль в их оформлении. Кто будет спорить, что Античность явлена нам именами Платона и Аристотеля, Средневековье – именами Августина и Фомы Аквинского, Новое время – именами Декарта, Спинозы, Канта, Гегеля. Но вот вопрос: занимали ли они в свое время, среди современников, такое же выдающееся, даже первостепенное место, какое им отвела последующая история? Можно твердо сказать: конечно, нет. Достаточно более внимательно всмотреться в их жизненные судьбы, чтобы убедиться в этом.

Даже Аристотель не был для современников тем Аристотелем, гению которого мы поражаемся до настоящего времени. Учителем Александра Македонского он стал не из-за своей известности в качестве ученого и философа, а в силу случайности биографии, так как, будучи сыном придворного врача, рос вместе с отцом Александра. Лишенный высокого покровительства после смерти своего царственного ученика, он был вынужден бежать из Афин. Его экзотерические сочинения вообще пропали, а эзотерические – те, которыми мы пользуемся сегодня, – оставались неизвестными около 150 лет. Это – Аристотель. А что говорить о других? О Спинозе, который шлифовал стекла в деревне и которого также пришлось заново открывать через столетие? О Канте, который долго добивался профессоры, а под конец жизни стал обузой для университета? Звезда философов восходит очень медленно. Нам сегодня кажется, что золотой век философии остался в прошлом, но, думаю, так было, так казалось всегда.

Так что «обочина» культуры – для актуальной философии вполне подходящее место. Уже оттуда она перемещается в центр. Более того, когда жи-

вая философия сразу оказывается в центре культуры, она там, как правило, не удерживается. В истории бывали шумные философы, конкурировавшие по своей популярности с традиционно массовыми («эстрадными») жанрами. Такими, наверное, были софисты в Древней Греции, французские энциклопедисты XVIII века, да и недавний так называемый постмодернизм, возможно, относится к ним. Последующие поколения отводят им значительно более скромное место, чем их современники.

Наблюдения показывают: прижизненная слава философа и его посмертная судьба находятся, как правило, в обратно пропорциональном отношении. Например, трудно даже себе представить, каким огромным влиянием и славой пользовались, скажем, Эразм Роттердамский или Вольтер. А какое место они занимают в современных учебниках истории философии? Слышали ли вы о посвященных этим именам спецкурсах на наших философских факультетах?! И сравните их нисходящую славу с восходящей славой того же Спинозы, которого при жизни знали, в основном, только его друзья. Или другой пример. Среди небольшого числа философов, ставших лауреатами Нобелевской премии, первым был Рудольф Эйкен, широко известная в свое время личность. Он стал им, кажется, в 1909 году, когда Гуссерль уже написал свои «Логические исследования». А многие ли сегодня, в том числе среди профессиональных философов, знают Рудольфа Эйкена, и есть ли среди них хоть один, кто не знает Гуссерля?

Приведу ещё один пример, для нас, может быть, самый поучительный. Это – Владимир Вениаминович Бибихин. Он был кандидатом наук, научным сотрудником нашего Института. Филолог по образованию, он больше был известен переводами и научными обзорами западной литературы. В Институте он держался скромно и в негласном общественном мнении, ранжирующим нашего брата, также занимал скромное место. Вокруг его имени и его сочинений не разворачивались никакие, привлекавшие общеинститутское внимание, события. Он по своей инициативе и на общественных началах читал лекции в Институте и в Московском университете, на которые приходило небольшое количество слушателей. Словом, он был одним из нескольких сотен наших сотрудников. Сейчас, по прошествии 10 лет после его ухода из жизни, имя Владимира Вениаминовича и его труды, те, что были опубликованы им при жизни, и те, которые оставались в рукописях и обнародованы только в последние годы, получают широкое распространение, становятся точкой общественно-значимого интеллектуального напряжения. Думаю, Владимир Вениаминович Бибихин начал движение с «обочины» отечественной культуры в её центр и вполне может занять в ней место, сопоставимое с местом и именами Розанова и Бердяева.

Я так подробно остановился на этом вопросе потому, что в нем я услышал распространенный в нашей среде мотив: мол, мы не востребованы, недооценены, не оказываем на общественное сознание и на власть имущих то влияние, которое могли бы и должны были бы оказывать. Конечно, мы долж-

ны занимать активную позицию в культурной жизни, не можем пренебрегать общественным признанием нашего труда. Это так. Тем не менее, философия не должна ни перед кем заискивать. Надо понимать: критерии ценности философии заключены в ней самой. Ей не надо искать любви на стороне.

- Философия как искусство жить и путь в жизни – сохраняется ли сегодня это призвание философии?

- На мой взгляд, без этого философии нет. Философия возникает и существует в рамках свойственного человеку стремления к совершенной жизни. Она представляет собой особого рода этический проект, согласно которому, человеческий путь к счастью пролегает через мышление и познание. Речь идет не об этике как особой (отдельной) части (аспекте) философии, а о моральном (этическом) пафосе философии в целом. Каждая философия формулировала свое понимание истинной жизни. Это достаточно очевидно в случае древних философских учений, которые исходили из убеждения, что сама теория представляет собой высшую форму счастья, и истинное знание несет с собой бессмертие. Гераклит искал логос, чтобы найти самого себя, и считал огненную душу наилучшей. Парменид считал, что быть и мыслить – одно и то же. Сократ хотел добраться до добродетели через знание. Платон позвал людей в небесный мир, в котором все гармонично устроено и не убивают праведников. Аристотель в ученом-философе увидел идеал человека. Эпикур создал образ мира, освобождающий человека от фундаментальных страхов. Плотин предложил тщательно разработанный путь обретения человеком бессмертия, заключительным этапом которого была его собственная философия.

В последующие эпохи этический смысл философии был не так очевиден, но это – лишь потому, что она глубже осознала универсальный характер и исторический масштаб задачи и решала её уже не как индивидуальный, а как всемирный замысел, и не в одиночку, не силами самой лишь философии, а в союзе с другими миропреобразующими силами – с религией (в Средние века) и с наукой (в Новое время). Если мы примем во внимание эту поправку, то увидим, что великие системы, составляющие вехи нашей науки, и по существу, и по субъективному замыслу своих создателей представляют собой различные версии искусства правильной и праведной жизни. Только один яркий и показательный пример. Мы все знаем: знаменитое произведение Декарта «Рассуждение о методе» положило начало рационализму нового времени и предопределило развитие философии как методологии научного познания. Но мало кто обращает внимание на то, что произведение это было его исповедью. К знаменитой формуле «*cogito ergo sum*», постулирующей идею человека как мыслящего субъекта, Декарт, как он сам пишет, пришел в ходе поиска надежной опоры в жизни.

Последние полтора столетия философия получила прибежище в университетах и развивается, по преимуществу, как университетская дисциплина. Соответственно, она больше понимается как область знаний, чем искусство

жизни. Это, однако, не означает, будто современная философия лишилась своего морального измерения и подлежит оценке только в качестве особого рода познания. Моральный смысл той или иной философии – вещь совсем неочевидная. Он не всегда даже осознается самим философом и раскрывается только со временем (возможно, это – одна из причин, в силу которых признание философий и философов приходит поздно). Разве мы осознаем, какие моральные уроки заключены, например, в феноменологии Гуссерля, в фундаментальной онтологии Хайдеггера, или даже в постмодернизме? От чего они нас предостерегают, куда направляют?

- Может ли философия содействовать нашему спасению от угрозы «постчеловечности»?

- Смотря что понимать под «постчеловечностью». Если иметь в виду, что человек и человечество должны стать другими, даже качественно другими, то следует признать, что эта угроза всегда исходила именно от философии. «Сверхчеловек» Ницше – просто открытая и дерзкая формулировка того, что мы можем найти едва ли не у всех великих философов. Занебесье Платона, противостоящее земной пещере, – разве не это постчеловеческая перспектива? А потусторонний мир религиозной философии? А царство целей Канта? А воплощенная и завершившая свой грозный марш абсолютная идея Гегеля? А всеединство Владимира Сергеевича Соловьева? А марксистский коммунизм, преодолевающий кровавую предысторию прошлого?

Ведь смысл философии, в силу чего она, собственно говоря, будучи формой познания, выступает одновременно и как образ жизни, состоит в том, что она фиксирует принципиальную неустроенность мира в его наличном состоянии и мысленно преодолевает эту неустроенность, противопоставля-

ет ущербности реального мира его более совершенную модель. Философия всегда зовет людей в другой мир. Его вполне можно назвать постчеловеческим. Пифагорейцы, говорят, выделяли три рода существ: люди, боги и между ними Пифагор. Философы тянулись к богам и людей тянули туда же. Разве все так совершенно в жизни людей, чтобы бояться «постчеловечности»?

Другое дело, что «постчеловечность» может быть много хуже того, что мы имеем сегодня. Отсюда, видимо, и Ваш вопрос. Именно для того, чтобы противостоять нисходящей постчеловечности, мы не должны отказываться от постчеловечности восходящей. Неизвестно, достигнут ли когда-нибудь человек и человечество равного самим себе состояния. Сегодня они в таком состоянии не находятся. Сегодня речь идет только о том, куда, к какому «постсостоянию» нам идти – вверх или вниз.

- Сегодня много дискутируют о формировании «гибридного разума» Интернет-сообщества. Какова роль философии в этом глобальном процессе?

- Интернет – фундаментальное изменение в нашей жизни, основательность которого подтверждается тем, что он стал обыденным делом тихо, незаметно, безымянно. Наверное, так входили в жизнь огонь, язык, деньги. Думаю, что мы до конца не понимаем, что означает и что предвещает Интернет. Какое-то серьезное философское размышление на эту тему мне не известно. Интернет очевидным образом неимоверно расширяет индивидуальные возможности человека, и он же несет огромную опасность человеческой индивидуальности.

Вот Вы говорите о «гибридном разуме». Что это? Хотел бы в этой связи обратить внимание вот на что. Интернет можно рассматривать как зеркало общества в целом. В нем мы можем видеть то, что прямым взглядом увидеть нельзя. Не является ли, например, «гибридный разум» аналогом силовых линий, объективных тенденций общества, которые складываются как равнодействующая множества индивидуальных взаимодействий? Тогда это – разум, который всегда считался разумом в условном, превращенном смысле, но вдруг приобрел некоторую реальность и на который можно оказывать прямое воздействие.

Словом, я теряюсь. Чувствую только, что Интернет – величайшее благо и величайшее несчастье, свалившееся на нас.

- Философия и политика мультикультурализма. Есть ли заслуживающие внимания теории мультикультурализма?

- Я бы назвал теорию диалога культур, разрабатываемую многими авторами, в частности, в рамках ежегодных Лихачевских чтений в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов под лозунгом диалога культур. Труды этого форума издаются ежегодно уже более 10 лет. Кроме того, можно назвать работы А.С. Запесоцкого, В.М. Межуева, А.В. Смирнова, В.В. Степина, С.С. Неретиной и А.П. Огурцова.

- Каковы, на Ваш взгляд, новые формы взаимоотношений «Философия – религия»?

- Сейчас много говорят о постсекулярном мире, вкладывая в это понятие разнообразное содержание. Одни понимают происходящие изменения как возвращение традиционных религий в качестве духовно организующих основ современных обществ. Такое обобщение мне кажется и ошибочным, и небезопасным для будущего. Конечно, попытки реванша религии будут, о чем говорит опыт ряда стран исламского мира, отчасти – и российский опыт. Вряд ли, однако, они могут рассчитывать на долговременный успех. И было бы печально, если бы это было не так.

Постсекулярность наступающей эпохи означает лишь фактическое признание того, что колоссальные успехи просвещения и научно-технического прогресса не привели к земному раю, который бы делал излишними упования на рай небесный. Тем самым образовалась гуманитарная ниша для возрождения религиозных надежд. Сам ход исторических событий складывается таким образом, что ограниченность возможностей науки обеспечивает легитимность религии. Наука уже не имеет той самоуверенности, которая позволяла ей третировать религию как мракобесие. Как в перспективе будут складываться отношения философии и религии, учитывая, что философия последние четыреста лет развивалась в союзе с наукой подобно тому, как в предыдущее тысячелетие она развивалась в союзе с религией – это открытый вопрос, прямо связанный с новыми духовными поисками, решениями. Вполне возможно, что они, и философия, и религия, из форм общественного сознания трансформируются в формы сознания индивидуального. Из сил, сцепляющих большие массы людей, сводящих их в общественные группы, они станут индивидуализирующими силами, формами саморазвития личности. Моя мысль проста: когда мы пытаемся прогнозировать возможное взаимоотношение философии и религии, надо принимать во внимание, что они сами также подвержены изменениям.

- Поделитесь, пожалуйста, Вашими впечатлениями о первом Казахском Философском Конгрессе. И что Вы думаете о возможных формах сотрудничества с казахстанскими учеными?

- Речь может идти именно о впечатлениях. Конгресс, организованный под руководством директора Института философии, политологии и религиоведения Заремы Каукеновны, мне понравился своей сплоченностью и организованностью, внутренней дисциплиной. При этом атмосфера, как мне показалось, была раскованной, дискуссии – свободными. Чувствовалось, что казахстанские коллеги воспринимают Конгресс как ответственное общее дело. Для нас важно было увидеть, что казахстанские коллеги из Института философии, политологии и религиоведения, несмотря на то, что они лишились академического статуса, сохранили свой коллектив, свое профессиональное сообщество. Нам ещё предстоит через это пройти.

Что касается возможных форм сотрудничества, то это – очень интересный вопрос. С одной стороны, у нас – очень широкие и самые благоприятные возможности для этого: сходство тематики, способов анализа, философских

традиций, отсутствие больших языковых барьеров, традиция взаимоуважительных отношений, однотипные, в целом, формы общения – все говорит в пользу возможного сотрудничества. С другой стороны, сама научная работа, значимые с точки зрения оценки полученных результатов коммуникативные сообщества, повседневный научный быт и условия к такому сотрудничеству не понуждают. Для этого должны быть какие-то дополнительные стимулы: более или менее регулярные двусторонние встречи, желание опубликоваться в зарубежном журнале, сотрудничество в рамках международных интересов и т. п. Очень большую роль могут сыграть личные творческие контакты, наличие которых можно считать большой удачей. Словом, сотрудничество возможно и оно, уверен, полезно. Но его надо организовывать, внешне стимулировать.

- А теперь вопрос просто глобальный. Абдусалам Абдулкеримович, каковы задачи и сверхзадачи руководимого Вами и очень почитаемого всеми нами Института философии РАН?

- Об Институте философии РАН я мог бы написать целую книгу. Это – совершенно уникальное и, возможно, единственное в своем роде явление. Я бы никогда не поверил в его реальность, если бы не знал, что он существует. Ограничусь в рамках Вашего вопроса тремя замечаниями.

Институт ведет исследования по всем основным исторически сложившимся направлениям философской науки. У нас 28 научных подразделений. Все они, будучи самостоятельными, являются вместе с тем частями целого. Институт представляет оптимальную научно-организационную форму, позволяющую сочетать целостность, внутреннее единство философии с профессионализацией отдельных её разделов. Первая важнейшая задача – сохранить эту уникальность Института, которая фактически делает его академией современной философии.

Вторая и самая важная особенность Института – это среда, для которой философия и все, что с ней связано, является единственным предметом общения и в которой все новое и интересное в области философии будет замечено и по достоинству оценено. У нас проходит ежегодный конкурс на лучшую книгу. Никакой конкурс не вызывает такого напряжения и страстей, как этот, и никакая награда не является такой желанной, как победа на нем. Сохранить философскую среду Института – это и задача, и сверхзадача. Философия – дело индивидуальное и одинокое. Философ не может рассчитывать на понимание и отклик. Он ведь, как правило, и сам не понимает себя. Философ – это Сократ. Сократ с его признанием, что он знает, что ничего не знает. И с его судьбой. Тот, кто погружается в мышление, попадает в бурный нескончаемый поток, столь же нескончаемый, как и мир, и уже не принадлежит себе. Вместе с тем, у него, у философа, есть потребность понять и выговорить, куда он попал, потребность рассказать о том, куда его «несет». И он нуждается в тех, пусть немногих, как правило, всегда немногих, которые готовы его слушать, хотят его слушать, хотя бы так, как дети слушают сказки взрослых. Так вот:

в Институте собраны люди, которые проникаются философскими речами. И если появляются люди, способные на них, на такие речи, они будут замечены, их будут слушать. Ведь слушали же в свое время Ильенкова, Зиновьева, Батищева, тех, про кого мы сегодня пишем книги. Институт – среда для таких людей. Для того, чтобы такие люди появились и не затерялись.

Наконец, последнее. Институт философии – профессиональное объединение. Он имеет, конечно, выходы в публичное пространство. Тем не менее, основным для него является профессиональный аспект, конкретная и кропотливая исследовательская работа, связанная с исследованием определенных текстов, их переводами, комментированием, изучением и обобщением новейших явлений в науке и культуре, философских традиций и т. д.

- Абдусалам Абдулкеримович, когда-то давно Вы предлагали мне написать раздел о человеческом достоинстве в коллективной монографии Института философии РАН. Предложение было очень заманчивым, но я отказалась, чувствуя, что не справлюсь с такой сложнейшей проблемой.

А теперь, пользуясь счастливым случаем, хочу спросить Вас, что такое человеческое достоинство и может ли человек сохранить его в современном мире?

- Очень трудный вопрос в первой части. Всегда избегал определения, что такое достоинство. Пытаться ответить на него так же страшно, как сказать, что я не знаю. Я бы ограничился вот чем: это – некий предел морального унижения (морального компромисса, если хотите), который человек допускает и ниже которого он не хочет и не может пасть ни при каких условиях. У каждого индивида он свой. Моральное достоинство всегда предполагает дистанцию и настороженность по отношению к миру. Что касается современного мира, то его особенность – в том, что в нем стерты внешние опознавательные знаки почтения и поправки морального достоинства, как и формы его защиты. Моральное достоинство сегодня – дело глубоко индивидуальное и интимное. Оно реализуется не через отождествление индивида с чем-то внешним – каким-то символическим рядом, референтной группой и т. д., а через тождество с самим собой. В современном мире, мире, взятом в его всечеловеческой целостности, сохранить моральное достоинство не просто трудно. Это, пожалуй, невозможно. Надо научиться быть и не быть в нем одновременно. Быть в нем, чтобы не принимать его.

- Как всегда, философия обнаруживает свою парадоксальность: вопреки обстоятельствам, им назло, им наперекор – сохранять свое человеческое достоинство, доказывая возможность невозможного.

Спасибо огромное, Абдусалам Абдулкеримович, что при всей Вашей колоссальной занятости Вы нашли время, чтобы продолжить и поддерживать Казахстанский Философский Конгресс!